

Евразийская цивилизация: геоэкономические параметры концепции в условиях нового миропорядка

Евстафьев Дмитрий Геннадиевич

Кандидат политических наук, профессор Института медиа, профессор Юридического института РУДН,
SPIN-код РИНЦ: [8135-4366](https://orcid.org/0000-0002-6276-0342), ORCID: [0000-0002-6276-0342](https://orcid.org/0000-0002-6276-0342), devstafiev@hse.ru, estd1212@yandex.ru

Институт медиа, НИУ ВШЭ; Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва, РФ.

Аннотация

Статья подготовлена на базе выступления автора на Всероссийской конференции с международным участием «Концепция российской цивилизации», состоявшейся 22–23 января 2024 года на факультете государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова. В предлагаемом исследовании, по сравнению с выступлением, ставится ряд методологических вопросов, связанных с определением рамок развития евразийского пространства в контексте глобальных и региональных геоэкономических и геополитических процессов. Успешное формирование макрорегиона «Большая Евразия» в рамках процессов геоэкономической регионализации в актуальных условиях ценностного противоборства означает учет не только чисто геоэкономических факторов, но и целого ряда других обстоятельств историко-культурного, историко-экономического и социально-географического характера. В частности, это касается границ Большой Евразии и механизма их геоэкономической демаркации. Поднимается вопрос о необходимости интеграции евразийских подходов и современных геоэкономических подходов, положенных в основу формирования макрорегионов, — тенденции, которую Западу удалось замедлить, но не остановить. Особо акцентирована тема западной границы (фронтира) Евразии в рамках сформулированной автором гипотезы о существовании «Днепровского проторазлома», сочетающего в себе как социокультурные, так и пространственно-географические аспекты. Потенциал трансформаций, в том числе и силовых, заложенный в данном проторазломе, в настоящее время проявляется в ходе Специальной военной операции. Это диктует принципиальную необходимость изучения и творческой адаптации к современным условиям наследия философов-евразийцев, сформулировавших саму концепцию «Большой Евразии», но применительно уже к иной исторической реальности, а главное — к новой, преимущественно пространственной политической и экономической архитектуре.

Ключевые слова

Большая Евразия, геоэкономика, геоэкономическая регионализация, евразийская цивилизация, цивилизационный разлом, Украина.

Для цитирования

Евстафьев Д.Г. Евразийская цивилизация: геоэкономические параметры концепции в условиях нового миропорядка // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 104(S). С. 8–17. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-104(S)-2024-8-17

Eurasian Civilization: Conceptual Geo-Economic Framework in the Context of a New World Order

Dmitry G. Evstafiev

PhD, Professor of Institute of Media, Professor of Law Institute, ORCID: [0000-0002-6276-0342](https://orcid.org/0000-0002-6276-0342),
devstafiev@hse.ru, estd1212@yandex.ru

Institute of Media, Higher School of Economics; Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), Moscow, Russian Federation.

Abstract

The article is based upon the authors presentation at the All-Russian Conference with international participation “The Concept of the Russian Civilization” held at the School of Public Administration of Lomonosov Moscow State University on January 22–23, 2024. In addition to the basic propositions of the presentation the article contains certain ideas and methodological hypothesis regarding the framework for defining the limits of the Eurasian geopolitical space taking into consideration the on-going global and regional transformations. The successful integration of the geo-economic macro-region “Larger Eurasia” as a part of the economic regionalization in the contemporary political environment of competition of values means considering a wider array of factors beyond geo-economics: history, including the history of economic development, culture as well as the social aspects. The author promotes the position in favor of the integration of the mechanisms that are based upon the Eurasian theory and advanced mechanisms that form the economic and governing basis for the formation of the geoeconomic macro-regions. The trend for the formation of geoeconomic macro-regions was slowed down by the West but non dismantled completely. Those factors are directly involved in the issue of Eurasian frontier and the mechanism of its geo-economic demarcation. Special attention in the article is paid to the issue of the Western border (frontier) of Eurasia. The issue is addressed basing on the authors hypothesis about the existence of “Dnieper proto-fault” that integrates civilizational (socio-cultural) and spatial geo-economic aspects. The fundamental transformations' potential including the force which lies in this proto-fault has already manifested itself during the Special military operation that Russia has started in February 2022. The effective analysis is needed not only for the interdisciplinary approach but flexible and creative adaptation of the philosophical heritage of founders of the Eurasian theory updating it to the newly emerged reality and relevant to the special, geography-based political and economic architecture.

Keywords

Larger Eurasia, geo-economics, geo-economic regionalization, Eurasian civilization, civilizational breakdown, Ukraine.

For citation

Evstafiev D.G. (2024) Eurasian Civilization: Conceptual Geo-Economic Framework in the Context of a New World Order. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 104(S). P. 8–17. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-104(S)-2024-8-17

Вместо введения

Нынешний этап глобальных трансформаций справедливо рассматривается как эпоха ценностной конкуренции, хотя до конца не определен не только состав конкурирующих ценностей, но и контуры коалиций, ассоциируемых с этими ценностями. Смысл происходящего заключается в том, что базовым условием консолидации конкурирующих, а в ряде случаев и противостоящих друг другу сил становятся иные, нежели экономика, факторы. Ситуация обостряется двумя разнородными обстоятельствами: с одной стороны, торможением процесса геоэкономической регионализации, в период 2020–2022 годов рассматривавшегося в качестве основного инструмента вывода глобальной экономики из тупика развития; с другой стороны, очевидным кризисом социально-идеологических инструментов управления обществом, причем не только на Западе.

Актуализация тематики евразийства как цивилизационного подхода к реализации проектов, связанных с макрорегионом «Евразия», способным претендовать на роль одного из наиболее значимых геоэкономических макрорегионов мира, во многом связана с тем, что на экспертном уровне как в России, так и в ряде других стран уже произошло осознание невозможности возврата глобальной геополитической и геоэкономической архитектуры к состоянию 2021 года, а тем более к более ранним «рамочным» условиям взаимодействия. Это остро поставило вопрос о возможных форматах региональной интеграции, создав одновременно относительную концептуальную свободу.

Евразийство — исторический феномен, отражавший наложение определенных фундаментальных предпосылок, прежде всего кризиса евро-азиатского политического мироустройства, на концептуальный вакуум, сложившийся в 1920-е годы и в красной, и условно белой (философское пространство антибольшевистской эмиграции уже находилось в состоянии распада) социальной философии. Евразийство как социально-философская концепция пыталось ответить на вопрос, кто мы, зачем мы и куда мы идем, применительно к весьма конкретным историческим условиям, отражавшим то, что в марксистско-ленинской интерпретации получило наименование «общий кризис капитализма». Просто мы всегда концентрировались на экономической, социальной и политической составляющей этого явления, но в нем была и значимая социоидеологическая, социофилософская составляющая.

Сейчас мы опять находимся в примерно схожем состоянии. Много изменилось с 1920-х годов, но никак нельзя не соотнести новый интерес к евразийству, с одной стороны, с реализацией — наконец-то, многое, о чем говорил О. Шпенглер с точки зрения деградации глобального доминирования европейской (в актуальном формате — евроатлантической) цивилизации, совершилось, превратив проевропейские настроения в политически маргинальные, а с другой — с умиранием в России панславистских настроений. Принципиальным моментом является кардинальное изменение геоэкономической конфигурации евразийского пространства. Этот фактор, в силу понятных причин, постреволюционными евразийцами игнорировался, но сейчас он становится одним из наиболее важных, учитывая фактическую легализацию процессов «силовой геоэкономики» как инструмента переформатирования даже исторически сложившихся регионов. Например, таких как Восточное Средиземноморье.

Исходя из этого, наиболее актуальной задачей является необходимость преодоления инерционности традиционного толкования понятия «евразийство», адаптации его к современным геоэкономическим условиям, к меняющейся экономической географии и принципам организации хозяйственной деятельности [Ергин 2021]. В евразийстве изначально был заложен базовый структурирующий элемент общности и различий экономической деятельности на определенных пространствах как элементов цивилизационного размежевания. Но на определенном этапе произошла деэкономизация евразийства, превращение его в некую социокультурную систему.

Изначально евразийство вряд ли рассматривалось как потенциально прикладная модель, пригодная для структуризации современного мира. Актуальным является возвращение евразийству изначально ему присущего экономического содержания.

С другой стороны, нуждается в пересмотре и содержательной корректировке теоретически описанный в рамках западной политологии и социальной философии феномен «столкновения цивилизаций» [Huntington 1996]. Кстати, отмечу, что описывался этот феномен изначально в абсолютном методологическом соответствии с концепцией «управляемого хаоса». Очевидно, что в чистом виде цивилизаций ни в трактовке классиков евразийства, ни в интерпретации С. Хантингтона на сегодняшний день не существует. «Цивилизации» Хантингтона в целом в принципе представляют собой некие военно-политические коалиции, дополнительно усиливаемые действительной или, что чаще, фиктивной, навязанной принадлежностью к некоему ценностному ряду, реальное содержание которого может быть утрачено. Что и нашло отражение в работах западных социологов и политологов последних двадцати лет [Купер 2010; Фукуяма 2019], когда формировался геополитический и социокультурный контекст, приведший к актуализации темы цивилизационного противостояния и соответствующих форматов организации общества. Мы наблюдали удивительный феномен: попытки описания все более усложняющегося миропорядка в рамках все более упрощающейся методологии. Наиболее актуальным на сегодняшний день является толкование цивилизационного развития, характерное для А. Тойнби и Ф. Броделя, хотя принципиальным моментом, требующим дополнительного осмысления, является геоэкономическая база цивилизаций. Последнее возвращает нас к гипотезе западного экономиста М. Спенса о возможности формирования различных баз экономического роста в рамках единого «мира глобализации» [Спенс 2013], которая в свое время не получила должного развития. Сейчас для реализации этой модели создается совершенно новое пространство реализации, которое уже на раннем этапе формирования полицентричного мира конкурирующих геоэкономических регионов может привести к столкновению пространств с принципиально отличным смысловым наполнением экономических систем. Например, пространства ресурсного индустриального модерна, надстроенного секторально промышленностью первого и второго технологических переделов и отдельными высокотехнологичными анклавами, с одной стороны, и пространства, построенные на принципах «набеговой» экономики, с другой. Можно предположить, что *на момент консолидации макрорегионов центральным узлом геоэкономической конкуренции и определения «цивилизационных границ» неизбежно станут пространства «трофейной экономики», к которым можно отнести значительную часть пространства постсоветской Евразии.* Таким образом, базовой для дальнейшего рассмотрения проблематики цивилизационного размежевания в постглобальном мире становится констатация того, что постсоветская Евразия и ее непосредственная геоэкономическая периферия станут пространствами наиболее активной межцивилизационной конкуренции и противоборства.

Базовые методологические констатации

Авторская гипотеза сводится к следующему: определение сущности Евразии, а тем более ее геоэкономических границ, — проблема во многом методологическая. То, что проблематика Евразии и евразийской интеграции традиционно рассматривается как элемент текущей политики вне понимания рамочных условий и внутренних системных условий развития, затрудняет корректное понимание и прогноз роли и места Евразии как специфического пространственного феномена в текущем ценностном противоборстве. В этой связи поставим несколько методологических вопросов.

Первое и, вероятно, наиболее актуальное и значимое. *Что такое Евразия и как она соотносится с другими историческими интегрирующими терминами*, в частности с термином «Европа». Прежде, чем обсуждать проблематику границ Евразии, будь то политические границы, геоэкономические или социокультурные, необходимо определиться с тем, что лежит за пределами этих границ. Что мы — Евразия, экономические, социальные системы и отдельные люди, вовлеченные в евразийские процессы, — имеем в качестве конкурирующих геополитических и геоэкономических сущностей? Нельзя забывать, что многими Евразия мыслится политически как некая анти-Европа. В этой логике мыслил великий Николай Яковлевич Данилевский [Данилевский 1991], а евразийство, даже с учетом последующих дериваций, в том числе и политически мотивированных, вышло из его концептуального «пальто». Да и более позднее евразийство является инструментом «отстройки» России от Европы. Но отстроиться можно только от чего-то субъектного. Несубъектный элемент системы международных политических и экономических отношений подлежит освоению и поглощению. Геополитика, а тем более геоэкономика, не терпит пустоты и разрушения целостности. А условная Европа, еще недавно фактически включавшая в себя и пространства Северной Африки, и часть Восточного Средиземноморья (как минимум Израиль), и часть Передней Азии (европейскую часть Турции), потеряла геополитическую субъектность, теряет геоэкономическую и находится в процессе утраты внутренней целостности. Но возникает вопрос: формируя геополитическое пространство Евразии, не создаем ли мы дополнительный стимул к субъектизации Европы? Эта субъектизация, придание фиктивного геополитического веса в нынешних условиях будут заведомо антироссийскими? Но антироссийский вектор Европы сформирован объективно и не слишком зависит от наличия или отсутствия концепта Новой Евразии и его геоэкономического продолжения, который при любых вариантах пройдет мимо Европы. Но с точки зрения геоэкономики и тенденций социально-экономического развития в целом концепт Евразии в нынешних условиях будет скорее концептом анти-Азии, причем как в геополитическом смысле (отвоевывать свое место под геоэкономическим «солнцем» неоглобального мира Евразии придется в конкуренции как раз с азиатскими центрами экономического роста), так и в социальном и социокультурном. В противном случае Евразия (а с ней и Россия) просто станет частью Глобального Юга, возможно, несколько медленнее, чем частью Глобального Юга сейчас становится Средиземноморье и фронтир Северной и Латинской Америки.

Второе. *Совпадают ли цивилизационные границы Евразии с границей геоэкономического макрорегиона «Евразия+»?* И каким образом может в нынешних условиях быть сформулирован общий подход к определению границ Евразии. Классическое определение Евразии — пространство внутри многолетне устойчивой нулевой изотермы января — многим современным исследователям, включая меня, представляется недостаточным [Кофнер 2018] и не отражающим ни этнокультурных, ни экономических реалий сегодняшнего дня, ни даже актуальных климатических. Конечно, геоэкономика (экономика больших пространств и «длинного времени») серьезно зависит от изменений климата. Да и многое в евразийской теории построено на анализе геоэкономических и экономических проявлений «пульсаций» климата. Но выстраивать долговременные геополитические модели только на базе «пульсирующего» климатического фактора, тем более когда не до конца ясна ситуативная направленность «пульсации» (локальное потепление или похолодание), было бы неразумно. Притом что технологическое развитие и тот факт, что потенциальные фронтиры Евразии попали в зону устойчивой, сохраняющей актуальность в том числе и сейчас урбанизации и индустриализации, не могли не сказаться на степени влияния климатических факторов. Новое понимание евразийства должно стать результатом комплексных исследований, в том числе и климатических пульсаций, с учетом возросшего значения антропогенных факторов. А не только изучения трудов отцов-основателей. Границы условной Евразии всегда будут динамичными, причем

пульсация, возможно, будет результатом сочетания разных факторов, иногда ситуативных. Автором в качестве рабочей гипотезы *выдвинута концепция «Днепровского цивилизационного проторазлома»*, перерастающего в последние 2–3 года в полноценный разлом, в том числе и в результате действий России по обеспечению своей безопасности. Она будет рассмотрена ниже.

Третье. *Новое соотношение пространственного и надпространственного в евразийстве*. Евразийство — концепция, соответствующая пространственному миру, что и является одной из причин того, что мы вновь возвращаемся к ее обсуждению: актуальные глобальные трансформации в совокупности означают резкое увеличение значения пространства и ресурсов в межгосударственной конкуренции, отражая принципиально более высокую роль защищенной логистики и доступа к важнейшим полезным ископаемым. Во многом это изначальное свойство евразийства как концепции и обуславливает ее высокую востребованность в условиях периодов трансформаций, когда определяется конфигурация нового мира. И именно поэтому есть прямая связь между евразийством и геоэкономикой, соответственно, использование евразийства как элемента геοэкономических построений выглядит оправданным. Но актуальный нам мир (термин «современный» представляется крайне методологически недостаточным в силу разновекторности развития и флюидности процессов) — это мир динамичного сочетания пространственности и надпространственных систем. В современном мире невозможна евразийская геοэкономика без формирования евразийских надпространственных систем: собственного управляемого сегмента информационного общества и системы финансовых коммуникаций, выделенной из долларовой финансовой системы. Это констатация. Но можно ли создать такую систему только в масштабах Евразии? Вероятнее всего — нет, если только заранее не согласиться, что она не будет влиять на глобальные процессы, а встраиваться в те геοэкономические правила игры, которые будут формировать другие политические силы. Вряд ли Россию это устроит с учетом непростого опыта 2010 – начала 2020-х годов.

Четвертое. *Социокультурная составляющая евразийства применительно к новой исторической и технологической эпохе*. Евразийская цивилизация на сегодняшний момент имеет, вероятно, самые слабые интегративные связи в социокультурной сфере. Советская социокультурность, сама по себе не являющаяся евразийской, практически полностью утрачена [Кудряшова 2023], в том числе и под воздействием внешних факторов, действий других игроков мировой политики и экономики. На ее место приходит в лучшем случае локальный национализм, а в худшем — вакуум, заполняемый внешними идеологическими воздействиями через миграцию, проникающую и внутрь России. Это означает, что *в рамках ценностной стратификации евразийская цивилизация будет иметь изначальную серьезную уязвимость*, которую объективно придется компенсировать усилением других направлений.

Система, имеющая псевдоевразийскую экономическую «обертку», но не базирующаяся на некоем культурно-историческом и политическом содержании (что нам пытаются предложить в виде «евразийства» представители элит многих постсоветских государств), будет заведомо паразитарна по отношению к России. Возникает вопрос: возможно ли на данном этапе формирование неоевразийской социокультурной основы для развития макрорегиона «Евразия» или же такая основа станет результатом относительно длительного развития новых социально-экономических связей внутри соответствующих обществ, которые станут продуктом обновленной геοэкономике? В долгосрочной перспективе превращение евразийства в основу социокультурного взаимодействия в пространстве шире, нежели постсоветское, возможно. Но только если евразийство станет основой концепта, идеологии, если хотите, новой социально-экономической и социокультурной модернизации, противостоящей наступлению агрессивной социальной архаики и регионов геополитической и социальной хаотизации. На сегодняшний момент этого нет.

«Днепровский проторазлом» как полоса формирования геоэкономического фронта новой Евразии

В 2019 году автором в дискуссионном порядке был сформулирован концепт «цивилизационного проторазлома» как совокупности разнородных и не всегда равновесных предпосылок, где все же доминируют этноценностные факторы [Евстафьев 2019]. Превратиться в разлом он может под воздействием очень разных факторов, во многом складывающихся не только в зависимости от «вмещающего ландшафта», но и ситуативно, в зависимости от времени созревания и публичного проявления. *Превращение проторазлома в разлом цивилизационный есть диалектическое единство обстоятельств пространства и времени.* Это актуально для всех регионов, где существует множество «полос» проторазломов и потенциальных цивилизационных разломов. Одной из наиболее значимых из таких «полос» на нынешнем этапе выглядит проторазлом между Восточным Средиземноморьем и Средним Востоком, затрагивающий стратегически важную для России зону Персидского залива, где актуализируются геополитические парадигмы, характерные для второй половины 1970-х годов, накануне ввода советских войск в Афганистан. Но в Евразии ситуативность, зависимость проявления разлома от конкретных исторических условий выражены наиболее ярко.

С геоэкономической точки зрения превращение проторазлома в полноценный разлом можно определить как переход — как правило, сравнительно быстрый — социокультурных противоречий в разрыв систем геоэкономической взаимозависимости.

С точки зрения пространственного переконfigurирования Евразии обратим внимание на «Днепровский проторазлом», с которым мы столкнулись в настоящее время, в том числе и в контексте проведения Специальной военной операции. Географо-климатический фактор, безусловно, являлся системообразующим в формировании этого феномена, однако до начала 2020-х годов он находился в скрытой форме, хотя нарастание даже не столько этнической, сколько ценностной разновекторности в рассматриваемой «полосе» было очевидно уже в начале 2000-х годов.

«Днепровский проторазлом» сдерживался от перерастания в полноценный разлом следующими факторами:

- наличием относительно развитой институциональной системы, к 2020-м годам редуцировавшейся фактически только до Союзного государства России и Беларуси. Это и обусловило конфигурацию актуальной версии цивилизационного разлома и особенности его военно-силового проявления;
- сохранением высокого уровня сформированной в советский период экономической и технологической взаимозависимости. Она усиливалась за счет стратегической линии Москвы на интеграцию со странами Европейского союза. Но в условиях реального, а не декларативного «разворота на Восток» и геоэкономического обособления Украины этот фактор начал утрачивать свое значение;
- симбиотическими, в том числе родственно-клановыми, связями внутри российской и украинской экономической и политической элиты, которые к началу 2020-х годов стали утрачивать актуальность в силу естественных причин. Этот аспект вполне может рассматриваться как модель перехода трансформаций микроуровня на макроуровень, причем характерного не только для Евразии, что вполне очевидно, но и для целого ряда считающихся устойчивыми систем внутри *Rax Americana*;
- внешним стимулированием проекта «Украина — анти-Россия» со стороны Запада, которое по причине утраты реалистичности восприятия ситуации в России и

интеллектуального кризиса в западных элитах «проскочило» рубеж полной управляемости, но одновременно — нижней части гибридного противоборства. В 2014 году, в особенности после трагедии малазийского «Боинга», противостояние России и Запада вокруг рассматриваемого проторазлома стало открытым в результате позиции коллективного Запада, а главное — приобрело военно-силовую форму.

Развитие ситуации в зоне «Днепровского протоцивилизационного разлома» показывает, что объективно сформировавшийся цивилизационный разлом сравнительно длительное время сдерживался от политического и военно-силового проявления не только сформировавшимися ранее связями экономического и технологического характера, но и ситуативными соображениями и факторами. Но рано или поздно этот проторазлом все равно перешел в разлом, как сейчас происходит, в силу изменения вмещающего контекста (политико-экономического ландшафта). Главный вывод сводится к тому, что *цивилизационный проторазлом можно сдерживать, но невозможно полностью «сшить»*. Рано или поздно сложатся условия, при которых его потенциал реализуется.

Особенностью «Днепровского проторазлома», потенциально тиражируемой и в других регионах, ставшей до известной степени неожиданной, является то, что проторазлом проявился в пространстве классического индустриального модерна в процессе перехода к постмодерну в условиях неудавшейся постиндустриализации, приведшей к социальной деградации. Но социальная архаизация в этой «полосе» не носила яркого характера, была до известной степени «ползучей», но в итоге привела к восстановлению домодерновых архетипов в политике, сохранив частично модерн в хозяйственной деятельности. Это совершенно новое явление, пока по понятным причинам до конца не изученное. В других регионах, в том числе в Европе и России, социальная и культурная архаика приобретает различные формы, в частности и капсулирование, но всегда выражена [«Жить в двух мирах»: переосмысляя транснационализм и транслокальность 2021]. Изучение процесса формирования новоисторических архетипов в «Днепровском проторазломе» может дать ключ для понимания длинных волновых социальных процессов в зонах, утрачивающих свой прежний, традиционный экономический статус. До известной степени такие условия являются модельными для многих регионов постсоветской Евразии. Но признаки подобных процессов могут вполне быть обнаружены и в других регионах: например, в Европе и даже в США, частично попадающих в зону деиндустризации.

Но важно и то, что пока «Днепровский проторазлом», сравнительно быстро превращающийся в разлом, не получил геоэкономического измерения, что вполне объяснимо не только масштабами разрушения промышленной инфраструктуры, но и бессмысленностью ее восстановления в советском формате: геоэкономическое пространство, которое обслуживала Днепропетровско-Запорожская индустриальная агломерация, уже не существует. Выскажем предположения, что в будущем *именно геоэкономическое наполнение этого разлома, во многом обусловленное остротой неэкономических рисков по разные стороны разлома, и определяют цивилизационную конфигурацию Западной Евразии*. Но каков будет геоэкономический фронтир Евразии, какими будут методы его стабилизации и последующего управления им?

Вместо заключения. Евразийский фронтир эпохи неоглобального мира: геополитика против «цивилизационности»

«Днепровский проторазлом» не является единственным цивилизационно-пространственным фактором формирования новых границ Евразии. Но он является во многом модельным не столько для формирования других проторазломов, сколько для понимания механизмов трансформации проторазломов в реальные цивилизационные противостояния, способные во многом не просто

определять цивилизационные границы, но и формировать характер взаимодействия по этим границам и механизмы поглощения так называемых серых зон, которые будут неизбежно возникать в ходе переформатирования пространств. Причем возникновение этих серых зон может иметь социально катастрофичный характер с учетом того, что в Евразии экономические регионы не просто были искусственно сконструированы, но и дополнительно усилены не всегда экономически оправданными хозяйственно-технологическими связями.

В свое время Л.Н. Гумилев подчеркивал: «Человек совмещает присущие ему законы жизни со специфическими явлениями техники и культуры, которые, обогатив его, не лишили сопричастности к стихии, его породившей» [Гумилев 2019, 15].

«Вмещающий ландшафт» цивилизационных объединений (сущностей) формируется на основе множества факторов, одним из которых является антропогенная экономико-технологическая среда, по сути являющаяся цивилизационной антитезой природному (изначальному) «вмещающему ландшафту». Но в Евразии мы в любом случае будем иметь дело с фронтиром, выстроенным вокруг антропогенно (промышленно-технологически или социально) измененных пространств. Классическим примером чего, конечно, является Поднепровье, но также следует упомянуть и Великую степь, превратившуюся в частично урбанизированное и индустриализированное пространство с вытекающими отсюда естественными социально-экономическими и социальными последствиями.

Главное авторское методологическое предположение сводится к следующему. В актуальной международной среде, построенной на сложном сочетании пространственных и надпространственных факторов, границы того, что можно будет впоследствии назвать «Новая Большая Евразия», будут определяться в большей степени геоэкономическими факторами. Геоэкономика, а не какие-то другие факторы сформирует ту основу, на которую надстраиваются другие системообразующие элементы. Это, в частности, связано с тремя факторами:

- нарастающей актуальностью ускорения процесса формирования геоэкономического региона «Большая Евразия», где Россия будет играть роль не только «донора» безопасности и технологического ядра, но и ресурсного ядра. А это предполагает максимально рационалистическое отношение к выстраиванию геоэкономического пространства вокруг себя, ибо процесс формирования геоэкономической полупериферии вокруг ядра не может быть бесконечно убыточным, дабы не повторять негативные прецеденты советского периода;
- необходимостью удовлетворения запроса как внутри России, так и в отношениях России с наиболее значимыми ее партнерами в формировании защищенного технологического и логистического пространства. Возможности поступательного развития на актуальном уровне пространственной защищенности близки к исчерпанию;
- цивилизационные, а по сути своей социокультурные связи на сегодняшний день не просто являются самыми слабыми из всех имеющихся связей взаимозависимости внутри Евразии, но, что существенно более важно, они отражают устаревшие в своей основе модели развития, в том числе и развития социально-политического, институционального. Для того, чтобы этот тип связей начал играть значимую роль, необходимо выстраивание обновленной (если не сказать, совершенно новой) экономической базы.

Центральным элементом сегодняшнего понимания влияния глобальных процессов на ситуацию в Евразии и интересы России является то, что на *обозримую перспективу главным геоэкономическим вектором Евразии будет «Север — Юг», а не «Восток — Запад»*. И важно то, что причины этого фундаментального переформатирования кроются в военно-силовых процессах

не только внутри Евразии, но и вокруг нее. Это во многом подтверждает, что Евразия является макрорегионом, пусть до конца и не сформировавшимся, где проявляются все основные тенденции современного, переходного к неоглобальному мира. Такая конфигурация Евразии для России относительно более выгодна, да и в целом соответствует евразийской концепции «Тысячелетие вокруг Каспия», сформулированной Л.Н. Гумилевым. Но возникает вопрос о границах Евразии в южном и юго-восточном направлениях и подключении к евразийским геоэкономическим проектам стран, которые никогда не рассматривались как евразийское пространство. Например, Ирана. Иными словами, евразийская цивилизация в социокультурном плане — это одно, а в геоэкономическом — другое. И этот разрыв будет объективно только нарастать, даже если в Западной Евразии обострения не произойдет.

В связи с этим правомерна гипотеза: геоэкономически Евразия будет развиваться в контексте важного диалектического противоречия, при определенных условиях способного стать критическим. С одной стороны, выстроенная вокруг технологического и ресурсного ядра России, Евразия является средством освоения серой зоны между Россией и Европой, масштабы которой на сегодняшний день предсказать практически невозможно. Но главные задачи в этом контексте будут, безусловно, социально-экономические. С другой стороны, сформировавшийся долгосрочный вектор развития по линии «Север — Юг» предопределяет для Евразии, если мы рассматриваем ее как целостный геополитический феномен, выполнение или как минимум участие в выполнении задач стабилизации военно-политической ситуации в «Большом Прикаспии» и в том, что именовалось «Великая степь». А это, во всяком случае на среднесрочную перспективу, предусматривает БОльший объем военно-силовых задач.

В принципе это вполне ложится в парадигму развития Евразии как военно-экономического объединения, что также присутствует у классиков евразийства. Но с политико-психологической точки зрения такая модель будет означать не шаг, но два шага в сторону от мира поздней глобализации. Что, конечно, вряд ли возможно для нынешнего поколения политиков.

Подводя итог, выскажем заведомо спорное суждение: построение устойчивой геоэкономической системы на базе классического евразийства невозможно. Просто потому, что существенным образом изменилось пространство реализации любых социально-экономических и геоэкономических моделей развития. Но это не лишает нас права и не снимает с нас долг перед основателями евразийства, творчески его переосмыслив, предложить миру новое понимание путей развития.

Список литературы:

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. СПб: Азбука, 2019.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991.

Евстафьев Д.Г. Глобализация и новые цивилизационные разломы: риски и перспективы для России и Евразии // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2019. Т. 5(15). № 1. С. 22–33.

Ергин Д. Новая карта мира. Энергетические ресурсы, меняющийся климат и столкновение наций. М.: Интеллектуальная литература, 2021.

«Жить в двух мирах»: переосмысляя транснационализм и транслокальность / под ред. О. Бредникова, С. Абашина. М.: Новое литературное обозрение, 2021.

Кофнер Ю. География и геополитика Большой Евразии // Сообщество Большая Евразия. 2018. URL: <https://gea.site/2018/05/687/?ysclid=lsycwkwg7v325565036>

Кудряшова Д.А. Влияние Запада на постсоветское пространство: поступательное движение по смене культурного кода // Ближний и Постсоветский Восток. 2023. № 1(1). С. 113–128. DOI: [10.31249/j.2949-2408.2023.01.07](https://doi.org/10.31249/j.2949-2408.2023.01.07)

Купер Р. Раздор между народами. Порядок и хаос в XXI веке. М.: Московская школа политических исследований, 2010.

Спенс М. Следующая конвергенция. Будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях. М.: Издательство Института Гайдара, 2013.

Фукуяма Ф. Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия. М.: Альпина Паблишер, 2019.

Huntington S. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon&Shuster, 1996.

References:

Brednikov O., Abashin S. (eds.) (2021) *“Zhit’ v dvukh mirakh”*: pereosmyslyaya transnatsionalizm i translokal’nost’ [“Living in two worlds”: Rethinking transnationalism and translocality]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Cooper R. (2010) *The Breaking of Nations: Order and Chaos in the Twenty-First Century*. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy.

Danilevsky N.Ya. (1991) *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow: Kniga.

Ergin D. (2021) *Novaya karta mira. Energeticheskiye resursy, menyayushchiysya klimat i stolknoveniye natsiy* [The new map: Energy, climate, and the clash of nations]. Moscow: Intellektual’naya literatura.

Evstafiev D.G. (2019) Globalization and New Civilizational Faults: Risks and Prospects for Russia and Eurasia. *Geopolitika i ekogeodinamika regionov*. Vol. 5(15). No. 1. P. 22–33.

Fukuyama F. (2019) *Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment*. Moscow: Al’pina Pablisher.

Gumilev L.N. (2019) *Etnogenez i biosfera zemli* [Ethnogenesis and the biosphere of the Earth]. Moscow: Azbuka.

Huntington S. (1996) *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon&Shuster.

Kofner Yu. (2018) Geografiya i geopolitika Bol’shoy Evrazii [Geography and geopolitics of Greater Eurasia]. *Soobshchestvo Bol’shaya Evraziya*. Available at: <https://gea.site/2018/05/687/?ysclid=lsycwkwg7v325565036>

Kudryashova D.A. Influence of West on Post-Soviet Space: Progressive Movement to Change Cultural Code. *Blizhniy i Postsovetskiy Vostok*. No. 1(1). P. 113–120. DOI: [10.31249/j.2949-2408.2023.01.07](https://doi.org/10.31249/j.2949-2408.2023.01.07)

Spence M. (2013) *The Next Convergence: The Future of Economic Growth in a Multispeed World*. Moscow: Izdatel’stvo Instituta Gaydara.

Дата поступления/Received: 15.03.2024